

Эпоха Сражающихся царств принесла на земли Поднебесной великую смуту. Уже несколько веков древняя страна изнывала под бременем непрекращающихся междоусобных войн.

И пусть этот год выдался на редкость урожайным, а в деревнях и уездах даже отпраздновали сбор хлеба, легче жить не стало. Сколько бы мужчины ни надрывались в поле, зерна едва хватало на уплату податей, а за тяжелыми трудами у ткацких станков женщины едва могли заработать на скудное пропитание.

Потому и празднование Нового года, уже прочно вошедшее в обиход знати и правителей, оставалось недоступной роскошью для простого люда.

Проведя в тряской повозке почти весь день, Цинь Цзычу чувствовал себя так, словно из него вытрясли душу. Он и помыслить не мог, что дорожная качка станет для него столь невыносимым испытанием.

Лишь перед самым закатом их отряд добрался до полузаброшенной деревушки неподалеку от Ханьдани. В лучшей хижине, которую удалось отыскать, окна зияли прорехами. Свирепый северный ветер свободно гулял по комнатам, заставляя Цзычу дрожать от пронизывающего холода, но этот же сквозняк помог ему наконец стряхнуть дурноту и прийти в себя.

В те суровые времена даже обычная кляча считалась роскошью. Роскошный караван Люй Бувэя с верховыми лошадьми слишком явно бросался в глаза, поэтому, едва добравшись до места, доверенные слуги поспешили в соседнее селение, чтобы сбыть коней и раздобыть взамен неприметные повозки, запряженные быками.

Завидев бледное лицо и посиневшие губы изнуренного Цзычу, купец осекся на полуслове, напрочь позабыв, какие распоряжения собирался дать слугам.

Он откашлялся и повернулся к челяди:

— Живее найдите шубу из огненной лисы, что я выменял в Чжао. Укутайте госпожу.

При этом слове Цзычу невольно нахмурился.

Люй Бувэй лишь невозмутимо улыбнулся. Подойдя ближе, он заботливо заправил выбившуюся прядь волос Цзычу за ухо и, сжав его ладонь, тихо произнес:

— Прежние имена теперь под запретом. Иначе нас раскроют на первой же заставе.

С этими словами он принял из рук слуги тяжелую лисью шубу и набросил ее на плечи беглеца. Будучи с ним одного роста, купец властным, но бережным жестом развернул его за плечи к дому и, слегка подтолкнув в спину, добавил с мягкой, почти нежной усмешкой:

— Ну же, ступай в тепло. Постель уже накрыли, да и жаровни успели разжечь.

Цзычу прекрасно понимал, что этот прохвост просто ищет повод распустить руки, но возразить на дельные предостережения было нечего.

Он подавил вздох досады.

«Ничего, — мысленно успокоил он себя, — мы еще сочтемся».

Резко развернувшись, он шагнул за порог.

Люй Бувэй продумал все до мелочей. Раз уж он объявил слугам, что путник в розовом парчовом одеянии — его «супруга», то прежнее положение Цзычу никого больше не заботило. Отныне и слуги, и охрана величали его исключительно госпожой.

Подобное прикрытие обязывало «мужа и жену» делить одно ложе. В итоге Чжао Цзи, так и не успев сообразить, что происходит, оказалась выдворена в холодную боковую пристройку.

Злобно зыркнув на двери главных покоев, женщина, поддерживаемая служанкой Чжао Сун-ши, с трудом сдержала гнев. Придерживая тяжелый живот, она нехотя побрела в выделенную ей каморку.

Ночь выдалась мучительной. Живот то и дело стягивало спазмами, лишая ее сна.

В панике решив, что начинаются роды, она за ночь раз пять посылала за Божественным лекарем Вэй, лишив покоя всех обитателей двора.

После праздников наступила пора весенних заморозков. Прогремевшая накануне гроза сменилась пронизывающей стужей, от которой воздух, казалось, звенел.

Размокшая от ливня дорога промерзла до крепости камня. Тяжело груженные повозки, везшие товар и благородных беглецов, то и дело заносило на обледенелых колеях. Небо оставалось свинцовым, обещая скорый снегопад.

На горизонте громоздились тяжелые тучи. Время от времени доносились глухие раскаты грома, заставляя измученную бессонницей Чжао Цзи испуганно вскрикивать.

— Велите ей замолчать, — недовольно поморщился купец, даже не взглянув в сторону Цзычу.

Цзычу и бровью не повел, словно грубый окрик в адрес его женщины его вовсе не касался. Он продолжал безучастно изучать свиток бамбуковых дощечек.

Покосившись на его безмятежное лицо, Люй Бувэй ощутил, как внутри закипает раздражение.

Накануне, лежа с Цзычу, он лелегал надежду вдоволь налюбоваться его спящим лицом и унять тоску сердца. Однако сон беглеца оказался невероятно чутким. Стоило шороху нарушить тишину, как Цзычу мгновенно вскакивал на ноги с совершенно ясным взглядом и устремлялся к пристройке созывать лекарей.

У роженицы все обошлось, а вот самому Бувэю в этой суматохе изрядно досталось: впотьмах встревоженный Цзычу умудрился наступить ему на ноги раз шесть.

Хотя юноша отличался стройностью, весил он как подобает взрослому мужчине. И когда этот вес обрушивался на голень купца, у того искры летели из глаз. Из-за этого Бувэю сегодня пришлось ковылять до повозки, едва ли не припадая на одну ногу.

— Стой! Стойте же! — разнесся над дорогой дребезжащий, панический крик старухи Чжао Сун-ши.

Лицо купца тут же потемнело. Он бросил на идущую следом телегу исполненный ледяного презрения взгляд, в котором без лишних слов читалось крайнее омерзение.

Отложив бамбуковый свиток, Цзычу поднялся.

— Я должен проверить ее. Срок уже велик, она напугана. Без моей поддержки ей сейчас не справиться.

Бувэй тут же перехватил его за широкий рукав:

— Сейчас ты — моя законная супруга. Тебе не подобает вызывать столь открытую заботу о наложнице.

Слегка прищурившись, Цзычу с едва заметной усмешкой высвободил шелк из его пальцев.

— Напротив. Это лишь подчеркнет мою добродетель и великодушие. Качества, достойные будущей матери всей Поднебесной.

Прежде чем купец успел возразить, Цзычу, приподняв подол длинного платья, соскочил на землю и быстрым шагом направился к отставшей телеге.

Тот лишь с досадой стиснул кулаки.

Выглянув наружу сквозь приоткрытую дверь, он проводил взглядом того, о ком грезил наяву.

Какая уж тут девичья скромность! Цзычу бесцеремонно подоткнул подол за пояс, обнажив шелковые шаровары, расшитые алыми сливами, и одним ловким, сильным махом взлетел на подножку задней повозки.

— Какого беса ты приперлась, дрянь... Господин?! — Верещание Чжао Цзи оборвалось на полуслове, перейдя в звенящий от изумления возглас.

Бувэй презрительно хмыкнул, в очередной раз поразившись глупости этой девки, однако веселость мгновенно сошла с его лица.

Он слишком хорошо помнил, как эта тварь, прикрываясь смазливый личиком и податливым телом, околдовала Цзычу своим распутным танцем. И как этот дурак, лишившись разума, настоял на том, чтобы притащить к себе в дом чужую подстилку.

От этих воспоминаний лицо Бувэя потемнело еще сильнее. Ведь именно он, прельстившись когда-то славой искусной блудницы, пригласил ее в своем доме, тем самым сведя с княжичем.

Настоящая гибель.

Злость душила его. Не желая видеть, как Цзычу нежничает с этой девкой, он резко захлопнул дверь, надеясь отгородиться от нахлынувшей ревности.

Однако хлипкие стенки повозки не держали звук. Каждое слово, сказанное в соседнем экипаже, разлеталось по округе.

Бувэй невольно прислушался. Что бы там ни говорил Цзычу, стенания Чжао Цзи наконец прекратились.

— Как думаешь, дорогая, к лицу мне этот нежный оттенок? — вкрадчиво ворковали за стеной.

— Княжичу все к лицу, — кокетливо отозвалась та, томно растягивая слова.

— Снова ломит? Позволь, я помассирую. Тебе полегче?

От вкрадчивого тона Цзычу у купца по спине пробежали мурашки. В воображении тут же возникла отчетливая картина: девка льнет к плечу его возлюбленного, а тот с безграничной нежностью во взоре гладит тонкими пальцами ее округлившийся живот, нашептывая ласковые глупости.

От этой сцены в груди Бувэя все клокотало от ярости.

— Ах, господин, ну что вы... Смотрите, он толкается! Совсем от рук отбился. — В ее кокетливом голосе не осталось и следа от вчерашней смертельной немощи.

— Глупости. Разве наш сын может быть непослушным? Он просто торопится явиться в этот мир, чтобы не утруждать свою матушку. Заботливый растет мальчик.

Цзычу ласково коснулся губами натянутой кожи ее живота, продолжая мягко водить по нему ладонью. На исходе девятого месяца плод заметно опустился, отчего сам живот уже не казался столь высоко вздутым.

Приложив ладонь плотнее, он отчетливо уловил толчки крошечного существа.

Это непередаваемое ощущение зародившейся внутри новой жизни каждый раз наполняло его душу благоговением.

С тех пор как младенец впервые зашевелился, Цзычу полюбил часами сидеть подле нее, нашептывая животу всякие нелепости и нахваливая дитя за каждый толчок.

Чжао Цзи улыбалась в ответ, но в глазах ее затаилась холодная тень. Она все яснее понимала: муж дорожит наследником, но к ней самой давно охладел.

Уловив этот недобрый, расчетливый взгляд, Цзычу не перестал гладить ее живот, но поднял глаза и мягко произнес:

— Нелегко тебе пришлось за это время.

Женщина вздрогнула, и все корыстные помыслы разом вымело из ее головы.

В уголках ее глаз скопились слезы, готовые вот-вот пролиться.

Порывисто перехватив ладонь мужа, она прижала ее к лицу. Впервые в жизни этот плач не был притворством ради выгоды.

Она лишь покачала головой и тихо прошептала:

— Подарить дитя господину — величайшая милость Небес для его покорной слуги.

Прежний Цзычу растрогался бы до глубины души. Теперь же эти слова не вызвали в нем никакого отклика. Он молча привлек ее к себе, пряча за ласковой улыбкой ледяное равнодушие.

Повозки продолжали месить ледяную кашу под унылый шелест непрекращающегося дождя.

Вокруг расстилалась голая равнина, где негде было укрыться от непогоды, так что беглецам оставалось лишь упрямо двигаться вперед. Колеса то и дело буксовали в грязи, сводя скорость каравана к черепашьему шагу.

Когда солнце склонилось к закату, земля под ногами внезапно содрогнулась от глухого, нарастающего гула. В этих безлюдных краях подобный шум не предвещал ничего хорошего.

Заметив панику среди возниц, Бувэй раздраженно прикрикнул:

— Не разбегаться! Что за бабьи вздохи? Время сейчас лихое, но у нас полно оружия, сумеем постоять за себя.

Властный окрик возымел действие — охрана и слуги мигом подобрались, вернув хладнокровие.

Бросив встревоженный взгляд назад, купец помедлил мгновение, а затем приказал:

— Пересадите обеих госпож в мою повозку. Живее!

Слуги поспешно помогли Цзычу переправить тяжело дышащую Чжао Цзи в передний экипаж. Едва за ними закрылась дверь, как топот копыт зазвучал у самого уха. Дорогу каравану преградил закованный в броню конный отряд чжаоских воинов.

— А ну, вылазьте все! Досмотр! — донесся снаружи грубый, зычный голос.

Сердце Бувэя пропустило удар. Он мгновенно вскинул глаза на Цзычу.

Тот среагировал без промедления. Сохраняя абсолютное ледяное спокойствие, он увлек Чжао Цзи на разложенные по полу шкуры и резким движением рванул на себе и на ней воротники одежды, превращая их в подобие растрепанного ложа страсти.

Сразу уловив замысел, купец поспешно ослабил пояс своего халата.

Занеся руку над засовом, он на миг замер, обернулся и накинул лисий мех на обнажившуюся грудь Цзычу, прикрывая ее от чужих глаз. Лишь после этого, напустив на себя вид глубоко уязвленного и прерванного на самом интересном месте господина, он распахнул дверь.

Гомон снаружи разом стих. Солдаты замерли на месте.

Особо ушлые из служивых уже вовсю шурились с похотливыми ухмылками, перешептываясь и

пытаясь заглянуть за плечо купца, чтобы разглядеть прячущихся в полумраке прелестниц.

<http://bllate.org/book/18277/1750284>